

10.336.
Книгоиздательство „Молодая Россія“.

РЕДАКЦІЯ Ф. ДЬДОВА, А. РУДИНА, С. НЕЧЕТНАГО и Н. МАКСИМОВА.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

В. Черновъ.

Къ теоріи классовой борьбы.

Цѣна 10 коп

МОСКВА.

—
1906

Книгоиздательство „Молодая Россія“.

РЕДАКЦІЯ Ф. ДЬДОВА, А. РУДИНА, С. НЕЧЕТНАГО и Н. МАКСИМОВА.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

В. Черновъ.

16.993.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

Къ теоріи классовой борьбы.

Цена 10 коп.

С. № 4 ГД
ССР 1950
-1973, 7.11
Св. ст. 22. ССР

10.336.

Бібліотека
наукового товариства
імені ШЕВЧЕНКА.

МОСКВА.

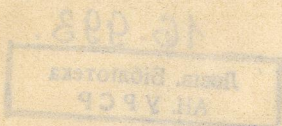
1906

А554.12

Книгопечатное "Новая Россия"

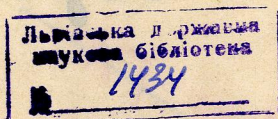
ИЗДАНИЕ ОБОБЩАЮЩЕЕ С ПЕРВЫМ И ДРУГОМ

Всего выдано в печать 100 экз.

В. Лиснера

Классический
теоретический

Типография Г. Лиснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.

Къ теоріи классовой борьбы.

1. Историческая справка.

Что общество не представляет собою единого, сплошного и однородного цѣлаго — это фактъ самоочевидный, бросающійся въ глаза всякому, кто только размышляетъ надъ вопросами общественной жизни. И, конечно, фактъ этотъ не могъ пройти незамѣченнымъ для всѣхъ историковъ не только послѣдняго времени, но и предыдущихъ вѣковъ. Но замѣтить фактъ еще далеко не значитъ понять его значеніе. Что человѣческое общество раздѣляется на касты, сословія, классы; что судьба ихъ, нравы, привычки, взгляды, различны; что между ними часто проявляется то скрытый, то явный антагонизмъ, иногда вырастающій въ гражданскую войну — все это отмѣчалось нерѣдко многими историками. Но отъ этого было еще далеко до признанія этого антагонизма одной — а тѣмъ болѣе одной изъ главныхъ движущихъ пружинъ историческаго процесса человечества. Можно было, напр., видѣть въ классовомъ антагонизмѣ только болѣзненные симптомы, наблюдающіеся при уклоненіи общества съ нормальнаго пути развитія. Но такимъ образомъ классовая борьба, классовыя столкновенія лишались всякой положительной, творческой исторической роли; ихъ значеніе оказалось бы чисто-отрицательнымъ и притомъ совершенно поверхностнымъ, чисто-симптоматическимъ; жизненный нервъ исторіи, ея основное русло лежало бы въ сторонѣ отъ этихъ явленій, и послѣднія приравнивались бы — при крайнемъ развитіи такого взгляда — къ чему-то въ родѣ безформенныхъ кучъ мусора, выбрасываемыхъ и оставляемыхъ теченіемъ историческаго потока по его берегамъ.

Признать въ явленіяхъ классовой борьбы основное содержаніе и вмѣстѣ — главную, если не единственную пружину событій, обратить на нихъ соотвѣтственное вниманіе и выдвинуть ихъ на первый планъ въ историческомъ изслѣдованіи — это уже являлось цѣлымъ переворотомъ въ исторической наукѣ.

И этотъ переворотъ, по довольно распространенному взгляду, былъ произведенъ Марксомъ и Энгельсомъ. „Было провозглашено, — какъ говорить, напр., Вильгельмъ Блосъ въ своей книгѣ „Die Deutsche Revolution 1848—1849“, — *совершенно новое*, такъ называемое матеріалистическое пониманіе исторіи, по которому всемірная исторія есть лишь рядъ эпизодовъ классовой борьбы“.

Нѣкоторый поводъ къ распространенію такихъ взглядовъ подалъ самъ Энгельсъ, объявившій однажды (въ предисловіи къ „Манифесту Коммунистической Партіи“), будто объясненіе исторіи основными положеніями борьбы классовъ является „единственно и исключительно собственностью Маркса“. Но это увлеченіе, продиктованное глубокимъ благоговѣніемъ къ памяти покойнаго друга, легко исправить, принявши въ соображеніе другіе отзывы того же Энгельса, въ данномъ случаѣ свидѣтельствующіе противъ него самого. Такъ, въ брошюрѣ о „Людвигѣ Фейербахѣ“ Энгельсъ отмѣчаетъ, что „съ 1815 г. въ Англіи ни для кого ужъ не было тайной, что центромъ тяжести всей политической борьбы въ этой странѣ являлись стремленія къ господству двухъ классовъ: землевладѣльческой аристократіи (landed aristocracy) съ одной стороны, буржуазіи (middle class) — съ другой. Во Франціи со времени возстановленія Бурбоновъ проникло въ сознаніе то же явленіе. Историки того времени отъ Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно указываютъ на него, какъ на ключъ къ пониманію французской исторіи, начиная со среднихъ вѣковъ. А съ 1830 г. въ обѣихъ странахъ рабочій классъ, пролетаріатъ, признанъ былъ третьимъ борцомъ за господство¹⁾“.

Этого же вопроса касается Антоніо Лабріола въ своемъ этюдѣ, посвященномъ „памяти Манифеста Коммунистической Партіи“, и его указанія могутъ служить нѣкоторымъ дополненіемъ къ указаніямъ Энгельса. Лабріола особенно отмѣняетъ значеніе Сень-Симона и Огюстена Тьерри, какъ историковъ, понимавшихъ и вскрывавшихъ классовую подоплеку событій своего времени. „Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, и особенно въ періодъ отъ 1830 до 1850 г., — говоритъ Лабріола, — междуклассовыя столкновенія... росли, принимали по обѣимъ сторонамъ Ламанша все увеличивавшіеся размѣры, бросались въ глаза все съ большей и большей очевидностью“. Этотъ фактъ все яснѣе и яснѣе отражался въ сознаніи и программахъ различныхъ партій, какъ „правыхъ“, такъ и „лѣвыхъ“.

¹⁾ Стран. 45—46 русскаго пер.

отъ Гизо до Луи-Блана и даже Кабэ. Фактъ этотъ, наконецъ, нашелъ свое отраженіе даже въ беллетристикѣ, въ романахъ Бальзака, котораго Лабріола считаетъ настоящимъ изобрѣтателемъ, художественнымъ творцомъ „классовой психологіи“. Все было подготовлено, такимъ образомъ, къ появленію новой теоріи. „Перенести въ общественные классы и въ междуклассовое треніе реальное содержаніе исторіи, перенести въ ихъ развитіе центръ тяжести историческаго процесса — въ этомъ направленіи уже совершались поиски и открытія... Предстояло въ точныхъ, опредѣленныхъ терминахъ формулировать теорію всѣхъ этихъ явленій“¹⁾.

Соотвѣтствующія попытки Маркса и Энгельса являюся, такимъ образомъ, лишь завершеніемъ цѣлаго обширнаго умственнаго теченія, захватившаго какъ крайнія, такъ и умѣренные фракціи. Зародыши этого теченія могутъ быть прослѣжены далеко въ глубь исторіи. Въ своей полемикѣ съ Энгельсомъ Ахилль Лоріа (не остававшийся, впрочемъ, въ отдѣльных случаяхъ передъ нѣкоторыми натяжками) даетъ длиннѣйшій списокъ авторовъ, чрезъ которыхъ проходитъ это теченіе мысли, — начиная съ Гаррингтона (1656 г.), продолжая Давенаномъ, Монтескьё, Герцбергомъ, физиократами, Адамомъ Смитомъ и кончая Молинали — справа, Прудонъ и Марксомъ — слѣва. Не настроенный полемически и вообще болѣе осторожный Бенедетто Кроче, хотя и не придаетъ особеннаго значенія подобнымъ историческимъ изысканіямъ, однако со своей стороны указываетъ на важные зародыши классовой теоріи еще у Томаса Моруса, а изъ ближайшихъ предшественниковъ Маркса обращаетъ вниманіе на особенно блестящее изложеніе классовой подкладки событій у Лоренца Штейна.

Но еще болѣе интересныя историческія сопоставленія и параллели сдѣлалъ Шарль Андлеръ для французской литературы до-марксовскаго социализма и Давидъ Койгенъ — для нѣмецкой. Первый въ своихъ комментаріяхъ къ „Манифесту Коммунистической Партіи“ показалъ, что, вопреки Энгельсу и многимъ увлекающимся почитателямъ Маркса, „философія, сводящая все содержаніе исторіи къ ряду классовыхъ столкновеній, — далеко не нова и составляетъ одну изъ стариннѣйшихъ составныхъ частей социалистической тра-

¹⁾ „Essais sur la conception matérialiste de l'histoire“ par Antonio Labriola. Paris 1897, p. 96—97.

диции¹⁾. Андлеръ наглядно обнаруживаетъ ея присутствіе у нѣкоторыхъ сенъ-семонистовъ, фурьеристовъ, у революціонеровъ, продолжавшихъ традиціи Бабёфа, въ ихъ тайныхъ обществахъ (Fédération de Bannis, Société des Saisons), у Теодора Шустера, Базара, Бланки, Константина Пекера, Видаля и др.

Въ самомъ дѣлѣ, еще Шустеръ понималъ (1835 г.), что съ каждымъ днемъ все сильнѣе вскрывается антагонизмъ двухъ классовъ: богатыхъ, которые потребляютъ, ничего не производя, и бѣдныхъ, которые, все производя, всего лишены. „Законъ освящаетъ и покровительствуетъ коалиціи сильныхъ противъ слабыхъ — коалиціи патроновъ противъ рабочихъ. Законъ осуждаетъ и преслѣдуетъ оборонительныя коалиціи слабыхъ противъ сильныхъ — рабочихъ противъ патроновъ“. Описывая современныхъ „бароновъ биржи и фабрики“, Шустеръ предсказываетъ поглощеніе ими мелкихъ предпринимателей; по его мнѣнію, „существованіе средняго класса дѣлается несовмѣстимымъ со структурой современнаго социальнаго тѣла“. „Можно предвидѣть, что рано или поздно громадное большинство рабочихъ будетъ охвачено революціонной страстью“. И предупредить взрывы, по его мнѣнію, возможно только коренной социальной реформой, которая должна была содѣйствовать развитію ассоціацій въ родѣ позднѣйшихъ лассалевскихъ „товариществъ съ государственной помощью“ или луи-блановскихъ „національных мастерскихъ“. Сенъ-симонистъ Базаръ тоже указывалъ (1829 г.), что люди съ первыхъ стадій историческаго развитія „раздѣлены на два класса — эксплуатируемыхъ и эксплуатирующихъ, господъ и рабовъ“, при чемъ „взаимное отношеніе въ прошломъ господъ и рабовъ, патриціевъ и плебеевъ, сеньеровъ и крѣпостныхъ... воплощается и еще усугубляется нынѣ въ отношеніяхъ между собственниками и рабочими“.

Д. Койгенъ въ своемъ изслѣдованіи о предшественникахъ марксизма въ Германіи²⁾ приводитъ слѣдующую яркую цитату изъ Грюна (1844 г.): „Исторія до настоящаго дня была ничѣмъ инымъ, какъ одной непрерывной войной: это была, по самой своей сущности, война счастливыхъ, владѣющихъ, побѣдителей съ несчастными, обдѣленными, угнетенными. Въ Греціи эти послѣдніе назы-

1) Ch. Andler, „Le Man. Comm.“, II, Introduction historique et commentaire. Paris 1901, p. 64—69.

2) D. Koigen, „Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Sozialismus in Deutschland“. Bern 1901.

вались рабами, илотами, въ Римѣ — рабами, въ средніе вѣка — крѣпостными; въ Россіи они носятъ названіе крестьянъ; въ Сѣверной Америкѣ это негры; въ цивилизованномъ же мірѣ, въ Англіи, Франціи и Германіи, они называются пролетаріями“.

Насколько широко распространены были эти воззрѣнія, показываютъ также историческія справки нашего соотечественника, В. Черкезова. Онъ указываетъ, что еще въ 1825 г. экономистъ Бланки, испытавши сильное вліяніе сенъ-симонизма, пускался въ слѣдующія общія размышленія относительно сущности историческаго процесса: „Я прослѣживалъ шагъ за шагомъ великія событія. И всегда налицо были двѣ стороны: люди, которые хотятъ жить отъ своего труда, и люди, которые хотятъ жить трудомъ другихъ... Патриціи и плебеи, рабы и вольноотпущенники, гвельфы и гибеллины, „бѣлые“ и „красныя розы“, „кавалеры“ и „круглоголовые“, приверженцы свободы и крѣпостники — все это лишь варіаціи, лишь разновидности одного и того же явленія общаго рода“...

Не менѣе характерны приводимыя Черкезовымъ выписки изъ одного сочиненія фурьериста Виктора Консидерана (1847 г.). Подобно сенъ-симонистамъ, этотъ послѣдній разсматривалъ современныхъ пролетаріевъ, какъ историческое видоизмѣненіе древнихъ рабовъ и средневѣковыхъ крѣпостныхъ. Самые подзаголовки главъ и параграфовъ его книги запечатлѣны классовой точкой зрѣнія, напр. гл. X: „Раздѣленіе общества на два класса: меньшинство, владѣющее всѣмъ, и огромное большинство, лишенное всего; или изъ подзаголовка главы II, § 2: „Буржуазія и пролетаріи“. Обозрѣвъ періоды рабства, крѣпостничества, феодализма, онъ характеризуетъ настоящее фактомъ „быстраго и могущественнаго развитія феодализма, феодализма финансоваго и промышленнаго, который правильно замѣщаетъ прежнюю аристократію въ ея позиціяхъ, уничтожая и дѣлая нищими промежуточные классы“. вмѣстѣ съ тѣмъ Консидеранъ отчетливо формулируетъ отличіе современнаго, чисто хозяйственнаго дѣленія на классы отъ прежняго дѣленія на касты, сословія и т. д. „Теперь уже не законъ, не право, не политическій принципъ, — говоритъ онъ, — кладетъ границы между крупными категоріями французскаго народа, но *экономическая организація — сама соціальная организація*. Характеризуя далѣе развитіе машинизма, индустріи, концентрацію владѣній, ростъ преобладанія крупнаго капитала, Консидеранъ приходитъ, наконецъ, даже къ заключенію, что „самое развитіе этого преобладанія... должно необходимо

вызвать раньше или позже революционную борьбу на социальной почве¹⁾.

Въ революціонныхъ тайныхъ обществахъ, вдохновленныхъ традиціями Бабёфа, выставленъ былъ уже и тотъ принципъ, который Марксъ окрестилъ именемъ „диктатуры пролетаріата“. Именно, въ Société des Saisons вмѣстѣ съ требованіемъ уничтоженія всѣхъ привилегій, обезпеченія каждому права на существованіе и обученіе, всеобщаго избирательнаго права, референдума etc. указывалось: „Но такъ какъ социальное тѣло заражено гангреной, то для перехода къ здоровому состоянію народъ въ теченіе нѣкотораго времени будетъ имѣть потребность въ установленіи революціонной власти“. Не надо забывать, что къ Société des Saisons былъ аффилированъ Bund der Gerechten, изъ котораго впоследствии образовался тотъ самый „союзъ коммунистовъ“, отъ имени и по порученію котораго былъ опубликованъ „Манифестъ Коммунистической Партіи“. Такимъ образомъ, здѣсь переходъ по наслѣдству идеи о „революціонной власти народа“ (pouvoir révolutionnaire du peuple) можетъ быть прослѣженъ съ полною очевидностью. Идея эта у Маркса получила только новое словесное выраженіе — „die Dictatur des Proletariats“. Ея историческіе корни восходятъ къ временамъ заговора Бабёфа.

Нелишнимъ будетъ сдѣлать здѣсь еще одно замѣчаніе. Не слѣдуетъ думать, будто социалисты до Маркса въ своемъ дѣленіи обществъ на два основныя враждующіе класса, переходныя ступени между которыми все болѣе и болѣе стираются, повторяли по отношенію къ отдѣльнымъ классамъ ту ошибку, которая раньше дѣлалась по отношенію ко всему обществу: т.-е. представляли ихъ себѣ совершенно однородными и сплошными. Это не такъ. К. Грюнъ, напримѣръ, рѣшительно выражаетъ слѣдующую мысль: во всѣхъ побѣдоносныхъ классахъ, въ свою очередь, можно найти еще категоріи подавленныхъ; съ другой стороны, въ предѣлахъ побѣжденнаго класса есть категоріи, эксплуатирующія остальную массу, еще болѣе угнетенную, чѣмъ они сами; такимъ образомъ, мы имѣемъ

¹⁾ W. Tschermakoff, „Pages of socialist History“, p. 57—59. Авторъ, сторонникъ анархическаго ученія, до того увлекается полемическимъ отношеніемъ къ Марксу, что даже обвиняетъ его въ сплошномъ плагиатѣ изъ сочиненія Консидерана, появившагося годомъ раньше „Манифеста Коммунистической Партіи“.

дѣло съ чрезвычайно сложной системой различныхъ формъ эксплуатаціи.

Нашъ бѣглый обзоръ былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули о Россіи. Идея о классовой подкладкѣ историческихъ событій чрезвычайно рано начала тревожить умы передовыхъ русскихъ людей, находившихся въ курсѣ современной имъ европейской литературы. Уже въ 1842 г. Герценъ въ одной изъ своихъ статей набрасываетъ мимоходомъ слѣдующую картину явленія, которое онъ называетъ жизненнымъ пульсомъ исторіи: „Во всѣ времена долгой жизни человѣчества замѣтны два противоположныхъ явленія... Вслѣдствіе одного начала, лица, имѣющія какую-нибудь общую связь между собою, стремятся отойти въ сторону, стать въ исключительное положеніе, захватить монополію. Вслѣдствіе другого начала, массы стремятся поглотить выгородившихъ себя, взять себѣ плодъ ихъ труда, растворить ихъ въ себѣ, уничтожить монополію. Въ каждой странѣ, въ каждую эпоху, въ каждой области борьба монополіи и массъ выражается иначе, но цехи и касты непрерывно образуются, массы непрерывно ихъ подрываютъ, и, что всего страннѣе, масса, судившая вчера цехъ, сегодня сама оказывается цехомъ, и завтра масса степенью общѣе поглотить и побѣть ее въ свою очередь. Эта полярность — одно изъ явленій жизненнаго развитія человѣчества, явленіе въ родѣ пульса, съ той разницей, что съ каждымъ біеніемъ пульса человѣчество подвигается впередъ“¹⁾.

„Дневникъ“ А. И. Герцена за тѣ же приблизительно годы (1842—1844) показываетъ, какъ въ болѣе конкретныхъ чертахъ рисовалось ему воплощеніе тѣхъ же основныхъ тенденцій въ новой исторіи, — показываетъ также, подъ вліяніемъ какихъ литературныхъ источниковъ складывались его сужденія. Характерно то, что это какъ разъ были тѣ самые историческіе труды, на которые указывалъ Энгельсъ и Лабріола, какъ на „первыхъ ласточекъ“ въ дѣлѣ пониманія классовой подкладки историческихъ событій. Герценъ набрасываетъ въ своемъ дневникѣ отрывочныя замѣтки о впечатлѣніяхъ, оставшихся въ немъ послѣ прочтенія „Histoire de dix ans“ Луи-Блана, сочиненій ученика С.-Симона, Огюстена Тьерри (про котораго онъ замѣчаетъ, что въ его трудахъ ярко отражаются „перепутанными и смѣшанными всѣ борьбы, всѣ про-

¹⁾ „Дилетанты и цехъ ученыхъ“, соч. А. Герцена, т. I, стран. 324.

тивоположности племенъ, сословій, состояній“), Гизо, Армана Карреля, статей младо-гегельянскихъ „Deutsche Jahrbücher“. Самъ воспитавшійся подъ влияніемъ гегелевской философіи, Герценъ, однако, уже „переворачиваетъ ее вверхъ ногами или, лучше сказать, ставитъ ее съ головы на ноги“ (выраженіе Энгельса о Марксѣ), заявляя, что „философія каждой эпохи есть фактический, историческій міръ той эпохи, схваченный въ мышленіи“. Онъ привѣтствуетъ первыя философскія попытки лѣваго революціоннаго крыла младо-гегельянцевъ, говоря, что или философія германская выступаетъ изъ аудиторіи въ жизнь, становится соціальною, революціонною, получаетъ плоть и, слѣдовательно, прямое дѣйствіе въ мірѣ событий“, причемъ для этого „дѣйствія въ мірѣ событий“ есть только одинъ путь: „надобно дать волю обстоятельствамъ и, выразумѣвъ ихъ указаніе, стать во главѣ ихъ; покоряясь имъ — покорить ихъ себѣ“.

Герценъ отмѣчаетъ эпоху полнаго государства феодальной системы, когда даже „сами реформаторы не отдѣлялись отъ феодализма“; отмѣчаетъ существованіе въ настоящемъ живыхъ осколковъ средне-вѣковья. Консерваторы суть „органы этого прошедшаго, ищущаго себѣ мѣсто въ мірѣ, явно отрешеннаго отъ него“, причемъ „воззрѣнія со стороны консерваторовъ проникнуты сознательно или безсознательно эгоизмомъ и своекорыстіемъ привилегированныхъ кастъ“. Онъ отмѣчаетъ, что „самая власть Кромвеля опиралась на консервативные интересы одного класса, такъ, какъ власть Людовика Филиппа“; упоминаетъ и о значеніи монархической власти, какъ внѣшней скрѣпы для слишкомъ обострившихся центробѣжныхъ силъ — тянущихъ въ разныя стороны враждебныхъ классовъ. „Каррель замѣчаетъ, что республика была невозможна для Англіи при ея дѣленіи на классы — безсомнѣнно... Государство раздѣленное должно имѣть центръ, связующій его — государя; иначе будетъ охлократія или *regime de terreur*“. Дифференцировку развившихся европейскихъ націй онъ сравниваетъ съ неразвитымъ состояніемъ Россіи: „мы не устояли“, и вотъ „низшіе классы“ наши „не имѣютъ этой послѣдовательности ненависти къ истинно-враждебному стану“. Но и въ Европѣ положеніе пока еще чисто переходное, которому „одно объясненіе — неразвитость демократической партіи; политическіе же перевороты безъ соціальнаго сдѣлались невозможными. А царство средняго сословія было все же продолженіе феодальнаго соціализма“... Или, въ другомъ мѣстѣ: „Демократія безсистемная, соціализмъ, едва родившійся... Робкая, трусливая, корыстолюбивая

и перемѣнивая bourgeoisie завладѣла всѣмъ“. Господствуетъ „законъ и защищаемый имъ propriétaire“. Этому социальному положенію соответствуетъ — выражаясь языкомъ Маркса — идеологическая, религіозная санкція. „Собственность, недвижимое имущество здѣсь и награда — тамъ: это двѣ цѣпи, на которыхъ и поднесъ водять людей. Но теперь *работники* принялись потряхивать одну изъ нихъ, а другая давно заржавѣла отъ лицемѣрныхъ слезъ пастырей о погибшихъ овцахъ“¹⁾...

Въ самое послѣднее время вопросомъ о предшественникахъ Маркса по оцѣнкѣ значенія классовой борьбы въ исторіи занялся г. Плехановъ въ предисловіи къ новому русскому изданію „Манифеста Коммунистической Партіи“.

Г-нъ Плехановъ не скупится на выписки изъ сочиненій С.-Симона, Огюстена Тьерри, Минье и Гизо и заключаетъ ихъ слѣдующимъ выводомъ: „Мы считаемъ твердо установленнымъ тотъ фактъ, что уже во время реставраціи Сенъ-Симонъ и многіе ученые представители французской буржуазіи видѣли въ борьбѣ классовъ главнѣйшую пружину историческаго развитія народовъ новаго времени. Мы думали, что полезно установить этотъ фактъ, такъ какъ онъ, повидимому, остался неизвѣстнымъ многимъ критикамъ „Манифеста Коммунистической Партіи“.

Мы уже видѣли, что именно со стороны особенно ревностныхъ поклонниковъ Маркса была склонность разсматривать его дѣло, какъ нѣчто „совершенно новое“. „Критики“ же, напротивъ, склонны были доказывать, что заслуги Маркса преувеличены, что и до него было создано и понято многое изъ того, что говорилъ онъ. Въ виду этого рѣзкая перемѣна фронта г. Плеханова, который, наоборотъ, „критиковъ“ заставляетъ играть роль людей, вѣрящихъ, что Марксъ до всего дошелъ безъ всякихъ стороннихъ вліяній, своимъ собственнымъ умомъ, — самъ же выступаетъ въ качествѣ ихъ обличителя — представляетъ маневръ довольно оригинальный и остроумный. Но этотъ маневръ сдѣланъ былъ нѣсколько чересчуръ поспѣшно, а изъ самой этой поспѣшности проистекъ цѣлый рядъ непредвидѣнныхъ его авторомъ послѣдствій. А послѣдствія эти заключаются въ слѣдующемъ.

Г-нъ Плехановъ цитируетъ С.-Симона, О. Тьерри, Минье и Гизо,

¹⁾ Дневникъ А. И. Герцена. Соч., т. I, страл. 93, 30, 124, 119, 120, 113, 107, 109, 111, 288.

такъ какъ считаетъ „полезнымъ установить фактъ“, который „повидимому, остался неизвѣстнымъ многимъ критикамъ“. Но, вслѣдствіе своей „поспѣшности“, онъ забылъ прибавить, что ничего новаго онъ не „устанавливаетъ“, а лишь иллюстрируетъ цитатами тѣ указанія, которыя были сдѣланы раньше его, и что всѣ цитированные имъ авторы уже были названы поименно Энгельсомъ и Лабріола въ качествѣ людей, до Маркса видѣвшихъ въ классовой борьбѣ „главнѣйшую пружину историческаго развитія народовъ новаго времени“.

Г-нъ Плехановъ цитируетъ слова Энгельса о томъ, что объясненіе исторіи основными положеніями борьбы классовъ „принадлежитъ единственно и исключительно Марксу“. Онъ поправляетъ въ этомъ пунктѣ Энгельса и смѣется надъ „критиками“, которые „почти всегда“, приписывая Марксу и Энгельсу небывалыя ошибки, „не замѣчали дѣйствительныхъ промаховъ Маркса и Энгельса“. Но онъ забываетъ, что въ брошюрѣ о „Людвигѣ Фейербахѣ“ у самого Энгельса можно найти ту поправку, о которой у г. Плеханова идетъ рѣчь.

Если бы г. Плехановъ избѣжалъ „поспѣшности“ въ двухъ этихъ пунктахъ, онъ былъ бы, вѣроятно, осторожнѣе и въ своихъ обвиненіяхъ по адресу социалистическихъ критиковъ Маркса. Онъ понималъ бы, что если не изъ собственныхъ работъ, то отъ самого Энгельса и Лабріола они могли узнать о тѣхъ самыхъ „предшественникахъ“ Маркса, которыхъ г. Плехановъ цитируетъ. А понявъ это, онъ избѣжалъ бы новыхъ промаховъ.

Такъ, онъ обвиняетъ въ незнаніи предшественниковъ Маркса италіанскаго социалиста Бенедетто Кроче. Но все это обвиненіе построено на томъ, что Кроче ничего о нихъ не упоминаетъ въ одной изъ своихъ статей, помѣщенной въ *Devenir Social*¹⁾. Но если бы Плехановъ ознакомился съ предыдущими работами того же автора²⁾, то увидалъ бы, что для обвиненія противъ Кроче незнакомство съ его трудами не есть достаточное основаніе. Какъ мы упоминали выше, Кроче хорошо зналъ споръ между Лоріа, Лабріола

1) „Essais d'interprétation et de critique de quelques concepts du marxisme“; перепечатано въ видѣ главы книги „Matérialisme historique et économie marxiste“, Paris 1900.

2) См. въ той же книгѣ его эту же, опубликованный впервые въ 1896 г.: „De la forme scientifique du matérialisme historique“ и „Les théories historiques de M. Loria“.

и др. о предшественниках Маркса, самъ принималъ въ немъ участіе, указывалъ образцы „историко-матеріалистическихъ воззрѣній“ у разныхъ авторовъ и еще оговаривался, что „могъ бы умножить число примѣровъ“¹⁾).

Вслѣдствіе той же поспѣшности, г. Плехановъ, цитируя слова Вандервельда, что понятіе о классовой борьбѣ „впервые было развито со всеми его послѣдствіями въ „Манифестъ Комм. Партіи“, — не замѣчаетъ подчеркнутыхъ нами словъ и, заключая о незнакомствѣ Вандервельда съ существованіемъ предшественниковъ марксизма, выговариваетъ ему: „признаемся, что отъ человѣка, написавшаго, такъ сказать, юбилейную брошюру по поводу „Манифеста“, можно требовать болѣе внимательнаго отношенія къ своему предмету“. Вандервельдъ, съ своей стороны, могъ бы отъ г. Плеханова потребовать болѣе внимательнаго отношенія къ приводимымъ цитатамъ.

Все это уже достаточно характеризуетъ обширное предисловіе г. Плеханова къ „Манифесту“, какъ крайне поспѣшное и тенденціозное. Та же тенденціозность сказывается еще и въ другомъ.

Подробно цитируя буржуазныхъ предшественниковъ Маркса по оцѣнкѣ значенія классовой борьбы, г. Плехановъ совершенно иначе отнесся къ представителямъ до-марксовскаго социализма. Ихъ онъ почти не цитируетъ, и изъ нихъ онъ цитируетъ исключительно два-три рѣзко разногласящихъ съ марксизмомъ и классовой теоріей мѣста. Благодаря этому, г. Плехановъ совершенно не относится критически къ словамъ Маркса-Энгельса о представителяхъ „утопическаго социализма“, будто они „хотя и видѣли уже антагонизмъ классовъ, равно какъ и вліяніе разрушительныхъ элементовъ внутри самого господствующаго общества“ — „но они не видѣли въ пролетаріатѣ никакой (!) исторической самостоятельности, никакого свойственнаго ему политическаго движенія“. Если мы обратимся къ біографическому очерку Эдуарда Фукса „Wilhelm Weitling“, то мы увидимъ, что этотъ „замѣчательнѣйшій представитель нѣмецкаго утопическаго социализма“ писалъ еще въ 1841 г.²⁾:

¹⁾ *Matérialisme historique* etc., p. 25.

²⁾ Въ первомъ же № изд. въ 1841 г. въ Женевѣ „Hilferuf der deutschen Jugend“ (цитируемъ по Фуку). Тотъ же авторъ приводитъ цитату изъ рецензіи Маркса (въ парижскомъ „Vorwaerts 1844 г.) на соч. Вейтлинга, которая рецензентъ тогда называлъ „геніальными“. (Марксу было въ то время 26 лѣтъ).

„И мы, нѣмецкіе работники, хотимъ протѣсниться въ ряды борцовъ за прогрессъ. И мы хотимъ имѣть голосъ въ общемъ обсужденіи вопросовъ о благѣхъ и страданіяхъ человѣчества; ибо мы, народъ въ рабочихъ курткахъ, блузахъ и армякахъ, представляемъ собою самый многочисленный, полезный и сильный разрядъ людей во всемъ широкомъ Божьемъ мірѣ. И мы хотимъ поднять голосъ за свое счастье и счастье всего человѣчества; пусть такимъ образомъ убѣдятся всѣ въ томъ, что мы прекрасно понимаемъ свои интересы, и хотя мы не блещемъ латинскими, греческими и иными хитросплетенными выраженіями, но мы сумѣемъ хорошо и яснымъ нѣмецкимъ языкомъ сказать, что сапогъ тѣснитъ нашу ногу. Да, и мы хотимъ имѣть свой голосъ — ибо вотъ ужъ девятнадцатое столѣтіе, а мы его еще не имѣли. И мы хотимъ имѣть свой голосъ въ общественномъ мнѣніи, чтобы насъ узнали — ибо на самомъ дѣлѣ до сихъ поръ о насъ не имѣли истиннаго понятія. И мы хотимъ поднять свой голосъ, чтобы облегчить наши стѣсненные сердца, и чтобы наши справедливыя жалобы достигли до ушей власть имущихъ“.

„Вейтлингъ понималъ непримиримыя классовыя противорѣчія, — говорить, приведя эту цитату, Фуксъ, — и на мѣсто французскихъ мирно-гуманитарныхъ ученій, на мѣсто политики мелкихъ средствъицъ поставилъ идущее вглубь требованіе — соціальной революціи“.

Но если такъ, то ужъ не правъ ли Черкезовъ, будто Марксъ только пересказывалъ и чуть ли не плагирировалъ своихъ предшественниковъ? Если такъ, то не стирается ли всякая грань между „утопическимъ“ и „научнымъ соціализмомъ“?

Такое заключеніе было бы крайне „поспѣшнымъ“ и глубоко невірнымъ.

Если бы даже всѣ главнѣйшія составныя части теоріи классовой борьбы въ отдѣльности встрѣчались у представителей до-марксовскаго соціализма, то это была бы все-таки „разсыпанная храмина“, отдѣльные кирпичи, отъ которыхъ еще далеко до стройнаго и законченнаго теоретическаго зданія. Вѣдь рѣчь именно о глубокой синтетической мысли, которая связываетъ, объединяетъ и благодаря этому освѣщаетъ новымъ свѣтомъ все предыдущее духовное наслѣдіе человѣчества. Доказать величіе мыслителя не значитъ представить его свалившимся откуда-то на землю, какъ *deus ex machina*. Мы не говоримъ уже о томъ, что одно дѣло — высказать извѣстную мысль, а другое — привести для ея доказательства цѣлый арсеналъ фактическихъ данныхъ, какой мы находимъ у Маркса. Имѣть духовныхъ предшественниковъ, не быть непомятымъ родства — не значитъ не быть оригинальнымъ, а тѣмъ паче не значитъ быть плагиаторомъ — послѣднее обвиненіе, выдвинутое Черкезовымъ, можетъ быть психологически объяснено только ослѣпленностью,

проистекающей изъ крайне-враждебнаго, односторонне-полемическаго отношенія. Что касается до грани между утопическимъ и научнымъ социализмомъ, то, конечно, исторически надо признать эту грань весьма условной. Исторія социалистическихъ учений свидѣтельствуєтъ, что научный социализмъ не „пришелъ въ міръ“ откуда-то на смѣну утопическому, а выработался изъ социализма утопическаго. Тѣмъ не менѣе, различіе между социализмомъ утопическимъ и социализмомъ научнымъ, какъ абстрактными типами, не теряетъ своего значенія ни на волосъ. Напротивъ, именно оно, принципиальное, абстрактное различіе и является прочнымъ критеріемъ для того, чтобы, съ одной стороны, въ трудахъ „великихъ утопистовъ“ и учениковъ ихъ отличить идейныя пріобрѣтенія, представляющія цѣнный вкладъ въ сокровищницу научнаго социализма, а съ другой — въ трудахъ самого Маркса и Энгельса, особенно трудахъ болѣе раннихъ, отличить утопическіе элементы отъ позитивно-научныхъ.

Тѣмъ самымъ намѣчается и задача детальнаго разсмотрѣнія тѣхъ сторонъ „теоріи классовой борьбы“, которыя являются вкладомъ въ пониманіе историческаго процесса со стороны Маркса и Энгельса.

2. Основаніе дѣленія общества на классы.

Бѣглая историческая справка, приведенная выше, показываетъ, что фактъ разслоенія капиталистическаго общества на классы, отличіе его отъ разслоенія стараго общества на сословія, наконецъ, борьба между классами, тянущаяся чрезъ всю исторію, — все это было подмѣчено цѣлымъ рядомъ социалистическихъ и несоциалистическихъ авторовъ задолго до Маркса. Но отъ этого было еще далеко до дѣйствительно научной разработки вопроса о классовой борьбѣ.

Первое правило всякаго научнаго мышленія заключается въ томъ, чтобы никогда не пользоваться терминами, смыслъ и значеніе которыхъ остаются недостаточно выясненными, никогда не полагаться на „общеупотребительность“ термина, но каждый разъ точно вскрывать его внутреннее содержаніе. Именно чаще всего употребляемые термины обычно заключаютъ въ себѣ наиболѣе сбивчивое и неопредѣленное, по произволу мнѣяемое отъ случая къ случаю содержаніе. Нетрудно понять, источникомъ какой путаницы можетъ явиться,

благодаря этому, несоблюдение указанного правила. Эта путаница характерна для вульгарного мышления, которое оперирует больше словами, чем понятиями, которое не подчиняет себя своей терминологии, а находится в полном подчинении от ее хаотической игры.

До-марксовский социализм редко поднимался достаточно высоко над традициями вульгарного мышления в вопросе о классовой борьбе. Часто путаясь между классами, сословиями и кастами, не менее часто он путался и в вопросе о том, где кончаются различия классов, и где начинаются менее важные различия между слоями одного и того же класса. В общем, преобладало первоначальное, довольно грубое и глазомёрное различие „обдѣленных“ и „привилегированных“, „бѣдных“ и „богатых“, „угнетенных“ и „угнетающих“. Для известных цѣлей это различие было и необходимо и достаточно, но обойтись им однимъ, не пойти в своемъ анализѣ дальше, значило внести слишкомъ мало свѣта въ гордиевъ узелъ социальныхъ отношеній.

Наиболее крупными попытками точнѣе опредѣлить различные социальные классы являются попытки Луи-Блана и Лоренца фонъ Штейна.

Луи-Бланъ въ своей „Исторіи десяти лѣтъ“ опредѣлилъ „буржуазію или среднее сословіе“, какъ „совокупность тѣхъ гражданъ, которые обладают орудіями труда или капиталомъ, работаютъ собственными средствами и поэтому только до известной степени зависать отъ другихъ“. Съ другой стороны, подъ „народомъ“ (въ другихъ мѣстахъ книги онъ употребляетъ термины — „работники“) онъ разумѣетъ, „совокупность гражданъ, не обладающихъ никакимъ капиталомъ и потому находящихся въ полной зависимости отъ другихъ даже по отношенію къ самымъ элементарнымъ жизненнымъ потребностямъ“¹⁾.

Въ основѣ его различенія лежатъ, такимъ образомъ, два признака: отношеніе къ средствамъ производства или капитала и степень зависимости отъ другихъ. Недостатки этой классификаціи очевидны. Первый признакъ теряетъ всякую опредѣленность благодаря грубой ошибкѣ: Луи-Бланъ отождествляетъ „средства производства“ съ „капиталомъ“, и такимъ образомъ свободный крестьянинъ, продающій

¹⁾ Цитируемъ по первому нѣм. переводу „Geschichte der zehn Jahren von 1830 bis 1840“, Zürich und Winterthur 1843, s. 5.

часть своего продукта или даже живущій въ условіяхъ натурального хозяйства и „работающій собственными средствами“, отождествляется съ промышленникомъ-капиталистомъ. Что касается до второго признака — „зависимости“ или даже „степени зависимости“, то его крайняя неопредѣленность бьетъ въ глаза. Фабрикантъ въ опредѣленномъ смыслѣ тоже вполне „зависитъ“ отъ рабочихъ: если онъ подвергнется полному бойкоту съ ихъ стороны, ему останется только прекратить свое существованіе въ качествѣ фабриканта. „Зависимость“ въ общественной жизни имѣетъ тысячи разнообразныхъ формъ: напр., представитель всякой отдѣльной отрасли производства въ извѣстномъ смыслѣ „зависитъ“ отъ другихъ; работникъ уже въ другомъ смыслѣ „зависитъ“ отъ работодателя, квартираниматель — въ особомъ, новомъ смыслѣ отъ домовладѣльцевъ и т. д.

Не болѣе даетъ въ этомъ отношеніи и книга Л. фонъ-Штейна. „Geschichte des Sozialismus u. Kommunismus d. heutigen Frankreichs“. Правда, въ ней можно найти превосходную характеристику современнаго промышленнаго пролетаріата, особенно сравнительно съ низшими, неимущими классами прежнихъ историческихъ періодовъ; множество мѣткихъ замѣчаній о психологической подкладкѣ, процессѣ возникновенія и развитія классового антагонизма; но въ вопросѣ о томъ, что именно и почему служитъ основой дѣленія общества на классы, онъ не идетъ далѣе Луи-Блана. Въ „буржуазіи“, по его мнѣнію, „воплощается идея собственности“; пролетаріатъ „не имѣетъ никакой собственности, а только рабочую силу и желаніе примѣнять ее“; пролетарій видитъ въ собственникѣ своего врага, во-первыхъ, потому, что „чувствуетъ себя подъ нимъ“ и, сравнительно съ „стоящими выше“, замѣчаетъ „несоответствіе между своими затратами энергіи и результатами ихъ“¹⁾. Вотъ почему современный пролетаріатъ есть „своеобразный европейскій элементъ, образующій почву для соціальнаго движенія“. Штейнъ, кромѣ того, отчетливо разграничиваетъ современные „классы“ отъ прежнихъ „сословій“ (впрочемъ, мы это видѣли уже у Виктора Консидерана). „Какъ въ концѣ прошлаго столѣтія, — говоритъ онъ, — одно сословіе народа возмущалось противъ государства, такъ теперь думы одного

1) Этотъ послѣдній признакъ — единственно новый сравнительно съ основой классификаціи Луи-Блана. Нетрудно видѣть, однако, что чернорабочій, сравнивая свое положеніе съ положеніемъ квалифицированнаго рабочаго, также можетъ жаловаться на несогвѣстствіе между затратами усилій и заработкомъ того и другого; однако, это не дѣластъ еще ихъ членами двухъ различныхъ классовъ.

изъ его классовъ направлены на переворотъ въ обществѣ“. Отсюда признаніе, что прошло время чисто политическихъ революцій, наступаетъ время революцій социальныхъ¹⁾.

Нѣкоторые критики Маркса, впрочемъ, утверждаютъ, будто и онъ не подвинулъ насъ ни на шагъ впередъ въ пониманіи природы общественныхъ классовъ. Такъ, напр., Зомбартъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ пренебрежительно отзывается о различныхъ „несчастныхъ, неудавшихся попыткахъ“ проникнуть въ существо классового строенія общества, — относя сюда и марксовскую. „Въ концѣ концовъ, если вмѣстѣ съ Марксомъ обезцвѣтитъ противорѣчіе между социальными классами, сведя его — при помощи словечка „короче“ — къ противорѣчію между „притѣснителями и притѣсняемыми“, то это будетъ только вполне и совершенно ошибочнымъ“. И не только ошибочнымъ, но и достаточно бессодержательнымъ въ научномъ смыслѣ, ибо этимъ „еще ничего не сказано о сущности (über die Wesenheit) социального класса“²⁾.

Утвержденіе это является грубоошибочнымъ. Конечно, Марксу приходилось, для извѣстныхъ цѣлей, останавливаться на раздѣленіи „угнетенныхъ“ и „угнетателей“, „эксплуатируемыхъ“ и „эксплуаторовъ“³⁾.

¹⁾ L Stein, l. c. s. III—IV (предисловіе), 13, 14, 74.

²⁾ Sombart, „Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert“, кар. XVII, s. 513. Авторъ замѣчаетъ, что Франція есть родина теоріи социальныхъ классовъ; именно здѣсь событія великой Французской революціи, въ особенности же эпохи реставраціи и польскаго переворота открыли глаза историкамъ на составные элементы современнаго общества. „Въ трудахъ Гизо, Минье и Луи Блана можно прочесть уже все (?), что мы можемъ нынѣ еще высказать о сущности и происхожденіи социальныхъ классовъ. Ихъ изложеніе сдѣлалось образцомъ и для теоретиковъ другихъ странъ; и мы, нѣмцы, до настоящаго времени во всемъ, вплоть до терминологіи, бродимъ по стопамъ великихъ французскихъ историковъ и ихъ нѣмецкихъ провозвѣстниковъ, наиболѣе вліятельными изъ которыхъ были Лоренцъ фонъ-Штейнъ и Карлъ Марксъ“ (ib., s. 512). Г-нъ Плехановъ въ своемъ предисловіи къ послѣднему русскому изданію „Манифеста Коммунистической Партіи“ полемизируетъ противъ Зомбарта, упрекая его — безъ достаточныхъ основаній — въ незнаніи того факта, что Марксъ имѣлъ предшественниковъ. Послѣднія произведенія Зомбарта показываютъ, что полемизировать съ нимъ приходится съ другого конца.

³⁾ Это дѣленіе обычно для большинства представителей до-марксовскаго социализма. Такъ, Георгъ Адлеръ въ своей книгѣ „Geschichte der ersten sozialpol. Arbeiterbewegung“ приводитъ слѣдующую выписку изъ „Blätter der Gegenwart für das soziale Leben“ Вильгельма Марра (1844 г.): „Даже для поверхностнаго

Разграниченіе это, столь не нравящееся „соціалъ-буржуа“ Зомбарту, имѣетъ однако достаточно существенное значеніе, а для многихъ вопросовъ — значеніе, прямо рѣшающее. Для другихъ оно, конечно, недостаточно. Но развѣ Марксъ ограничивалъ этимъ раздѣленіемъ свой анализъ? Развѣ не шелъ онъ сплошь да рядомъ гораздо дальше?

Болѣе того, Марксу и Энгельсу скорѣе можно поставить въ вину то, что они, расчлѣняя общество на классы, классы на группы, группы на подгруппы и т. д., часто недостаточно отчетливо подчеркивали различіе между принципиальными, основными, „классовыми, перегородками, и болѣе дробными, второстепенными, внутри-классовыми. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, классификація ихъ нерѣдко варіировала, что легко показать нѣсколькими цита-тами.

Въ одной изъ самыхъ раннихъ ихъ работъ — „Französische und Englische Klassenkämpfe“¹⁾ — событія получаютъ освѣщеніе съ точки зрѣнія „разрыва французской націи на двѣ націи: націю имущихъ и націю работниковъ“. Борьба между этими двумя „націями“ и есть борьба *классовъ*.

Въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи“ Марксъ и Энгельсъ говорятъ о „двухъ большихъ, противостоящихъ другъ другу клас-сахъ“, на которые „все болѣе и болѣе раздѣляется общество“. Классы эти получаютъ и болѣе точное опредѣленіе: это буржуазія и пролетаріатъ. Но на ряду съ ними авторы различаютъ еще слѣдующіе слои: 1) босячій пролетаріатъ, который у нихъ отнюдь не объединяется въ одинъ классъ съ промышленнымъ пролетаріатомъ; первый имѣетъ совершенно особое отъ второго происхожденіе, представляя „пассивный продуктъ разложенія самыхъ низшихъ слоевъ стараго общества“; 2) аристократія, представляющая въ буржуазномъ обществѣ пережитокъ феодальнаго строя, и 3) „средній слой“, куда авторы зачисляютъ (подъ одну общую

наблюдателя нашего времени не можетъ остаться тайной, что современное общество съ каждымъ днемъ все болѣе рѣзко распадается на два класса, отношенія которыхъ другъ къ другу дѣлаются все болѣе и болѣе угрожающими и взаимная вражда которыхъ можетъ въ каждую минуту превратиться въ страшную борьбу. Это, съ одной стороны, классъ, многочисленный классъ обездоленныхъ, тѣхъ, кто лишень всего, кромѣ своей рабочей силы; а съ другой стороны — классъ собственниковъ, классъ наслаждающихся...”

¹⁾ Aus dem liter. Nachlass von K. Marx, Fr. Engels. u. F. Lassal. Stuttgart 1902, s 112 ff.

рубрику) мелкихъ купцовъ, промышленниковъ и рантье, ремесленниковъ и крестьянъ.

Въ брошюрѣ о „Революціи и контръ-революціи въ Германіи“ Марксъ различаетъ: 1) „буржуазію въ собственномъ смыслѣ слова“ или „классъ болѣе крупныхъ капиталистовъ, торговцевъ и промышленниковъ“; 2) „классъ мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ“; 3) „крестьянство“ или „классъ мелкихъ землевладѣльцевъ-крестьянъ“; 4) „классъ рабочихъ“; 5) „дворянство“.

Наконецъ, въ брошюрѣ „Классовая борьба во Франціи“ Марксъ различаетъ: 1) крупно-землевладѣльческій классъ; 2) финансовую аристократію; 3) промышленную буржуазію; 4) „мелкую буржуазію во всѣхъ ея подраздѣленіяхъ“; 5) крестьянство (не включаемое имъ, такимъ образомъ, въ предыдущую категорію); 6) интеллигенцію, 7) нищенскій или босяцкій пролетаріатъ; 8) рабочій классъ.

Такія же варіаціи наблюдаются и у позднѣйшихъ марксистовъ. Такъ, если взять для примѣра К. Каутскаго, то въ своей книгѣ объ „аграрномъ вопросѣ“ онъ говоритъ, что „три большіе класса современнаго общества суть наемные рабочіе, капиталисты, землевладѣльцы“. Въ другомъ же теоретическомъ трудѣ — объ „Эрфуртской программѣ“ — онъ различаетъ: съ одной стороны „имущіе классы“, распадающіеся: 1) на „крупныхъ собственниковъ или богачей“ и 2) низшіе, эксплуатируемые (sic) слои собственниковъ (мелкіе ремесленники, мелкіе крестьяне); съ другой же стороны „неимущіе классы“, распадающіеся: 1) на пролетаріатъ капиталистической индустріи, 2) переходный слой подмастерьевъ ремесленной промышленности, 3) „особый классъ слугъ“ и 4) нищенскій пролетаріатъ.

Словомъ, болѣе мелкіе слои и группы въ приведенныхъ примѣрахъ 1) каждый разъ комбинируются въ различное число большихъ группъ, которымъ присвоивается названіе классовъ; 2) комбинируются различнымъ образомъ, такъ что отдѣльная группа низшаго порядка входитъ иногда въ одну, иногда въ другую крупную категорію, иногда объединяясь съ одной, иногда съ другой изъ сосѣднихъ группъ низшаго порядка; и, наконецъ, 3) одна и та же группа сопричисляется то къ категоріямъ низшаго, то къ категоріямъ высшаго порядка, называется то самостоятельнымъ „классомъ“, то простымъ подраздѣленіемъ, составнымъ элементомъ настоящаго „класса“. Такъ, напримѣръ, крестьянство въ одномъ случаѣ оказывается членомъ „націи работниковъ“, противостоящей

„націи имущихъ“; въ другомъ мѣстѣ оно зачисляется въ „средній слой“ вмѣстѣ съ „мелкими купцами и рантье“; въ третьемъ случаѣ оно исключается изъ „мелкой буржуазіи во всѣхъ ея подраздѣленіяхъ“ и фигурируетъ, какъ особый классъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ; въ четвертомъ случаѣ оно путешествуетъ на самый верхъ социальной пирамиды, въ ряды „имущихъ классовъ“, бокъ-о-бокъ съ „крупными собственниками и богачами“. Поистинѣ, мытарства по всѣмъ этажамъ социального зданія, — мытарства, связанные съ настоящими овидіевыми превращеніями...

Нетрудно видѣть, что при этомъ въ понятія „классъ“, „классовая борьба“ и „классовая точка зрѣнія“ вносится расплывчатость и сбивчивость, открывающія широкій просторъ индивидуальному произволу. Ниже мы покажемъ, какъ неблагоприятно отражается эта расплывчатость на всей теоріи классовой борьбы въ ея современномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ, уже теперь совершенно ясно, что простого констатированія факта разслоенія общества для установленія понятія о „классѣ“ совершенно недостаточно. Возникаютъ вопросы: гдѣ же кончаются предѣлы „класса“, и гдѣ начинается расчлененіе единаго класса на отдѣльные слои и подраздѣленія? Сколько же существуетъ основныхъ классовъ, — классовъ въ истинномъ, строгомъ смыслѣ этого слова? Гдѣ кончаются чисто количественныя различія между членами одного и того же класса, и гдѣ начинаются различія качественныя, принципиальныя, требующія отнесенія людей къ различнымъ общественнымъ классамъ? Можно ли, если не практически, то теоретически, указать такую границу, или она совершенно условна и относительна? Каково мѣрило этого различенія или, выражаясь въ терминахъ логики, каково основаніе этой классификаціи общественныхъ группъ? Отвѣты на всѣ эти вопросы, въ своей совокупности, могутъ составить полную теорію классовой борьбы. До тѣхъ же поръ, пока отвѣтовъ этихъ не дано, а тѣмъ болѣе пока самые вопросы эти не поставлены ребромъ — мы имѣемъ только простое глазомѣрное констатированіе факта классовой борьбы, но отнюдь не ея теорію.

А пока мы не обладаемъ такой теоріей, до тѣхъ поръ мы ничѣмъ не отличаемся отъ тѣхъ представителей вулгаризированнаго марксизма, которые, не составивъ себѣ сколько-нибудь яснаго понятія объ основѣ дѣленія общества на классы, переполняютъ свою аргументацію склоненіемъ по всѣмъ падежамъ словъ: „классъ“, „классовая борьба“ и т. д., и т. д.

До сихъ поръ мы видѣли только одно положительное приобрѣтеніе въ вопросѣ о природѣ современныхъ общественныхъ классовъ. Было понятно, что въ отличіе отъ юридической основы дѣленія на сословія мы имѣемъ здѣсь дѣло съ экономической основой. Но какъ ближе опредѣлить эту экономическую природу класса? И прежде всего: искать ли опредѣляющихъ признаковъ въ особенностяхъ его положенія въ процессѣ самаго производства? Или же искать ихъ въ особенностяхъ его участія въ распредѣленіи благъ?

Вопросъ этотъ и въ настоящее время не утратилъ интереса современности. Характерно то, что у насъ, въ Россіи, онъ уже привелъ къ теоретическому столкновенію между социалистами-революціонерами и социаль-демократами. Первые утверждаютъ, что рѣшающимъ признакомъ для причисленія или непричисленія даннаго лица или данной группы населенія къ классу, напр. буржуазіи, „прежде всего является источникъ дохода, на который существуетъ данное лицо или группа“. Именно сходство источника доходовъ — полученіе прибавочной стоимости, неоплаченного труда другихъ людей — въ первой линіи и является тѣмъ признакомъ, который объединяетъ извѣстныя группы людей въ единый сплоченный буржуазный классъ. Интересы всѣхъ членовъ и группъ буржуазіи (а точно также и интересы всѣхъ членовъ и группъ рабочаго класса) „солидарны по самому существу ихъ социальнаго положенія, по характеру той роли, которую играютъ они въ буржуазномъ, капиталистическомъ народно-хозяйственномъ механизмѣ“¹⁾.

Съ этимъ-то и несогласны социаль-демократы. По ихъ мнѣнію „искать основного, отличительнаго признака различныхъ классовъ общества въ источникѣ дохода значитъ выдвигать на первое мѣсто отношенія распредѣленія, которыя на самомъ дѣлѣ суть результатъ отношеній производства. Ошибку эту давно указалъ Марксъ, назвавшій не видящихъ ея людей вульгарными социалистами“²⁾. По Марксу, гласитъ другая статья „Искры“, „данныя отношенія распредѣленія являются выраженіемъ исторически опредѣленныхъ отношеній производства“, „обусловливаются“ этими послѣдними, ихъ „предполагаютъ — не только логически, но и исторически“³⁾.

Что же здѣсь вѣрно, и что невѣрно?

Авторы цитированныхъ статей знаютъ, что, по Марксу, отношенія

1) „Классовая борьба въ деревнѣ“. „Р. Р.“, № 11.

2) „Искра“, № 27, стран. 2.

3) „Искра“, № 33, стран. 4.

производства опредѣляютъ отношенія распредѣленія. Но они не знаютъ, во-первыхъ, того, что отношенія распредѣленія, по Марксу, опредѣляются не только условіями производства; во-вторыхъ, того, что отношенія распредѣленія, въ свою очередь, воздѣйствуютъ на отношенія производства. Они не понимаютъ, въ-третьихъ, еще слѣдующаго. Если бы даже отношенія производства одни только опредѣляли отношенія распредѣленія, и даже не испытывали возвратнаго съ ихъ стороны воздѣйствія, то все-таки было бы далеко не все равно: опредѣляютъ ли непосредственно условія производства раздѣленіе общества на классы, или непосредственно опредѣляютъ они условія распредѣленія, которыя уже, въ свою очередь, опредѣляютъ классовые интересы соотвѣтственныхъ общественныхъ группъ. Въ такомъ случаѣ при классификаціи этихъ группъ непременно придется „на первый планъ“ выдвинуть источники дохода, искать непосредственныхъ отличительныхъ признаковъ прежде всего въ „условіяхъ распредѣленія“.

Въ томъ-то и заключается разница вульгарнаго марксизма отъ взглядовъ Маркса и Энгельса, что послѣдніе желаютъ сводить всѣ явленія общественной жизни только „въ послѣднемъ счетѣ“ къ производственнымъ отношеніямъ, тогда какъ вульгарные марксисты хотятъ непременно все и вся объяснять ими непосредственно. Для Маркса и Энгельса существуетъ для соціальныхъ явленій цѣлая лѣстница „производныхъ“ фактовъ или „надстроекъ“, при чемъ, чѣмъ выше надстройка, тѣмъ болѣе „посредственнымъ“, „отраженнымъ“ является вліяніе на нее производственнаго „фундамента“. Можно какъ угодно критиковать и эту усложненную теорію, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что она безконечно выше того грубаго, вульгаризированнаго марксизма, который хочетъ непременно установить непосредственный параллелизмъ между условіями производства и всѣми другими соціальными явленіями.

По нашему мнѣнію, раздѣленіе общества на классы стоитъ въ непосредственной связи именно съ отношеніями распредѣленія, а потому и отличительный признакъ принадлежности къ тому или другому классу берется прежде всего изъ этой сферы. Это нисколько не значитъ — какъ то кажется вульгарнымъ марксистамъ — отрицать косвенную причинную связь классового строенія общества со всѣмъ производственнымъ строемъ даннаго общества. Совершенно напротивъ. Потому-то мы и говоримъ (см. выше) о солидарности интересовъ всѣхъ членовъ даннаго класса „по самому существу

пхъ социальнаго положенія, по характеру той роли, которую играютъ они въ буржуазномъ, капиталистическомъ народно-хозяйственномъ механизмѣ“.

Русскіе марксисты могутъ легко убѣдиться, что все сказанное нами вполне точно передаетъ сущность взглядовъ Маркса и Энгельса. Для этого имъ достаточно взять книжку Энгельса, направленную противъ Дюринга. Тамъ они могли бы узнать слѣдующее:

„Вмѣстѣ съ родомъ и способомъ производства и *обмѣна* опредѣленнаго историческаго строя общества, а также съ *предшествовавшими историческими условіями* — одновременно дается родъ и способъ распредѣленія продуктовъ“.

„Распредѣленіе, однако, не есть простое пассивное произведеніе производства и обмѣна: оно вмѣстѣ съ тѣмъ оказываетъ также сильное обратное вліяніе на производство и обмѣнъ“.

„Съ различіями же въ распредѣленіи выступаютъ и классовыя различія. Общество раздѣляется на привилегированные и обдѣленные, эксплуатирующіе и эксплуатируемые, господствующіе и подчиненные классы“²⁾.

Намъ думается, что весь этотъ эпизодъ свидѣтельствуетъ только лишній разъ о томъ, до какой степени духовные отцы марксизма оказываются часто „немарксистами“, или до какой степени наши социаль-демократы „ортодоксы“ мало понимаютъ и много вульгаризируютъ ученіе Маркса.

Но если раздѣленіе общества на классы стоитъ въ непосредственной связи съ отношеніями распредѣленія, то какимъ же образомъ можно ближе опредѣлить эту связь?

На этотъ вопросъ впервые попытался дать отвѣтъ Адамъ Смитъ.

„Общая масса годовой производительности земли и труда или, что то же, общая сумма ея цѣнности — говоритъ онъ — разбивается на три части: поземельную ренту, заработную плату и прибыль на капиталъ, и составляетъ доходъ трехъ различныхъ классовъ народа, изъ которыхъ одинъ живетъ рентой, другой — заработной платой, а третій — прибылью. Эти три великія подраздѣленія составляютъ три первоначальные, основные класса каждаго просвѣщеннаго общества, доходъ которыхъ въ результатѣ даетъ средства существованія всему населенію“²⁾.

1) „Herrn Eugen Düring Umwälzung etc.“, 3-te Aufl., s. 150—151.

2) См. русскій переводъ „Исслѣд. о богатствѣ народовъ“, С.-Пб. 1866 г. т. I, стран. 477. Это опредѣленіе принято также Миллемъ и его русскимъ кри-

Что касается Маркса, то онъ въ этомъ пунктѣ, какъ и во многихъ другихъ, даетъ лишь дальнѣйшее развитіе и углубленіе положеній классической политической экономіи. Онъ могъ бы опредѣлить свое отношеніе къ Адаму Смиту и Рикардо тѣми словами, которыми Христосъ опредѣлялъ свое отношеніе къ Моисею: „не разрушить пришелъ я законъ, но исполнить“.

Послѣднюю главу третьяго тома „Капитала“ (названную „Классы“) Марксъ начинаетъ вполнѣ въ духѣ Адама Смита. „Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и собственники земли, соотвѣтственными источниками доходовъ которыхъ является рабочая плата, прибыль и рента,— слѣдовательно, наемные рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы — составляютъ три обширные класса современнаго общества, основывающагося на современномъ способѣ производства“¹⁾.

Итакъ, соотвѣтствіе классового дѣленія указаннымъ источникамъ или видамъ дохода Марксъ вполнѣ принимаетъ. Но этого для него еще мало. Можетъ быть поставленъ новый вопросъ: почему общество дѣлится на классы соотвѣтственно этимъ видамъ дохода? Что образуетъ классъ? т.-е., иными словами, что непосредственно служить скрѣпой, объединяющей людей въ классъ? И въ этомъ смыслѣ „вслѣдствіе чего наемные рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы представляютъ собою три большіе общественные класса?“

Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе важно поставить, что выраженіе „источникъ дохода“, „видъ дохода“ является безъ дальнѣйшихъ поясненій недостаточно опредѣленнымъ. Такъ, напримѣръ, Марксъ указываетъ на то, что землевладѣльцевъ можно разбить на нѣсколько разрядовъ: владѣльцевъ виноградниковъ, пахотной земли, нѣдръ земли съ ископаемыми богатствами, рыбныхъ ловель. Почему не считать этихъ конкретно-различныхъ видовъ богатства въ та-

тикомъ Н. Г. Чернышевскимъ. См. заграничное изд. его „Сочиненій“ (Елпидина и К^о), Женева 1870 г., т. IV, стран. 105, 144: „изъ трехъ элементовъ производства (при трехчленномъ распредѣленіи продукта) каждый особо принадлежит отдѣльному классу, и доля изъ продукта, достигающаяся этому классу, опредѣляется соперничествомъ. Классъ, которому принадлежит трудъ, является при этой формѣ быта сословіемъ наемныхъ работниковъ, получающихъ рабочую плату; капиталъ принадлежит классу промышленныхъ антрепренеровъ, получающихъ прибыль; а земля — классу владѣльцевъ недвижимаго собственности... получающихъ отъ предпринимателя ренту“.

¹⁾ „Капиталъ“, т. III, стран. 733.

комъ же смыслѣ особыми „источниками дохода“, какъ и экономическія категоріи — прибыль, рента etc.? Не трудно видѣть, что „то же самое относилось бы къ безконечнымъ раздробленіямъ интересовъ и положеній, на которыя, благодаря раздѣленію общественнаго труда, распадаются какъ рабочіе, такъ и капиталисты“. Итакъ, положеніе, что общество раздѣляется на классы „вслѣдствіе тождества доходовъ и источниковъ доходовъ“, кажется вполне яснымъ, дающимъ исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ, только „на первый взглядъ“.

Но здѣсь-то, въ самомъ кульминаціонномъ пунктѣ, и прерывается аргументація Маркса, — прерывается вмѣстѣ съ недоконченною рукописью третьяго тома...

Логически продолжить эту аргументацію взялся недавно одинъ изъ самыхъ крупныхъ „ортодоксальныхъ“ его учениковъ, К. Каутскій. И вотъ какъ онъ разсуждаетъ:

„Чѣмъ отличается отношеніе землевладѣльца къ рабочему и капиталисту сравнительно съ отношеніемъ владѣльца пахотнаго поля къ лѣсовладѣльцу или владѣльцу усадьбыной земли?

„Поземельная рента землевладѣльца при данной величинѣ національнаго дохода можетъ быть увеличена или на счетъ заработной платы, или на счетъ капиталистической прибыли — интересы землевладѣльца, такимъ образомъ, стоятъ въ противорѣчій съ интересами наемнаго рабочаго и капиталиста. Между тѣмъ земельная рента владѣльца ржаного поля растетъ вовсе не на счетъ поземельной ренты другихъ видовъ землевладѣльцевъ. Даже напротивъ, ростъ и ренты, и связанной съ ней цѣнности участка одного рода почвы влечетъ за собою параллельный ростъ ренты и цѣнности другихъ участковъ.

„Возьмемъ, съ другой стороны, классъ наемныхъ рабочихъ. Они распадаются на книгопечатниковъ, сельско-хозяйственныхъ батраковъ, ткачей и прядильщиковъ, металлургическихъ рабочихъ. Но эти подраздѣленія вовсе не образуютъ классовъ. Всѣмъ имъ обща противоположность интересовъ съ капиталомъ и земельной собственностью, ибо при данной величинѣ національнаго дохода заработная плата можетъ расти только на счетъ двухъ этихъ другихъ источниковъ дохода; напротивъ, въ предѣлахъ самого класса рабочихъ заработная плата одного изъ слоевъ его вовсе не растетъ на счетъ другихъ, скорѣе наоборотъ: всякое повышеніе заработной платы одного ряда рабочихъ усиливаетъ тенденцію къ ея повышенію у другихъ; оно усиливаетъ стремленіе рабочихъ требовать высшей платы и ослабляетъ силу сопротивленія предпринимателей, отстаивающихъ прежній ея уровень.

„Теперь мы уже видимъ, что именно образуетъ единичные классы. Это не просто общность источниковъ дохода, но и вытекающая изъ нея общность интересовъ и общность противорѣчій этихъ интересовъ съ интересами другихъ классовъ, изъ которыхъ каждый стремится сузить источникъ дохода

другихъ, чтобы заставить источникъ собственного дохода забыть болѣе сильнымъ ключомъ¹⁾.

Итакъ, наиболѣе видный представитель ортодоксальнаго марксизма, Каутскій, со многими положеніями котораго намъ часто приходится не соглашаться, въ данномъ пунктѣ высказываетъ взглядъ, подѣ которымъ мы подписываемся обѣими руками. Въ спорѣ между русскими социалистами-революціонерами и социаль-демократами о томъ, стоитъ ли раздѣленіе общества на классы въ непосредственной связи съ условіями производства, онъ высказывается за первое рѣшеніе. На первый планъ онъ выдвигаетъ общность источниковъ дохода, а затѣмъ уже — вытекающую изъ того же перваго фактора общность интересовъ и противорѣчія ихъ другимъ группамъ интересовъ. Его выводъ можетъ быть формулированъ лучше всего такъ: людей объединяють въ различные, обособленные классы тѣ основныя, обособленные источники ихъ дохода, которые, при данной величинѣ общаго національнаго дохода, могутъ расширяться только одинъ на счетъ другого.

Высказывая свое мнѣніе, мы не претендовали сказать что-либо новое. Мы просто стояли на точкѣ зрѣнія нашего великаго учителя Н. Г. Чернышевскаго. Эта точка зрѣнія, развитая имъ въ 1862 г., приводитъ къ выводамъ, которые теперь, сорокъ лѣтъ спустя, повторены Каутскимъ почти буквально. Еще Н. Г. Чернышевскій далъ блестящую формулировку основы классового раздѣленія и классовой борьбы, указавъ на основной антагонизмъ ренты, прибыли и заработной платы. „Рента, — говоритъ онъ, — играетъ относительно прибыли и рабочей платы точно такую же роль, какую прибыль играетъ относительно рабочей платы“: при ея возрастаніи „уменьшается... пропорція, составляемая въ возрастающемъ продуктѣ прибылью и рабочей платой“, иначе говоря, „рента идетъ къ поглощенію прибыли и рабочей платы“. Таковъ основной законъ трехчленнаго распредѣленія дохода въ капиталистическомъ обществѣ. „Прибыль идетъ при этой системѣ къ подчиненію работника капиталисту, а рента идетъ къ подчиненію работника и капиталиста вмѣстѣ землевладѣльцу“. Какія же социаль-

¹⁾ К. Kautsky, „Klasseninteresse — Sonderinteresse — Gemeininteresse“, въ „Die Neue Zeit“, № 34, 21 Jahrg. (1903 г.), s. 541. Впослѣдствіи мы докажемъ что это рѣшеніе вполне согласно съ недосказанными въ III т. „Капитала“, но проскальзывающими въ другихъ мѣстахъ взглядами самого Маркса.

политическія слѣдствія вытекають отсюда? Чернышевскій рисуетъ это съ образцовой ясностью.

„Рента стремится подчинить себѣ прибыль и рабочую плату — въ переводѣ на дѣйствительные факты это значить, что лендлордъ враждебенъ самостоятельности фермера и работника; и мы видимъ въ Англіи, что лендлордъ старается держать ихъ въ этой зависимости отъ себя даже съ убыткомъ для всѣхъ, въ томъ числѣ и для самого себя.

„Мы видѣли, что прибыль стремится поглотить рабочую плату — это значить, что капиталисту нужно держать работника въ такой же зависимости отъ себя, въ какой лендлорду нужно держать и капиталиста и работника. Исторія всѣхъ цивилизованныхъ странъ — одно непрерывное свидѣтельство постоянства этой тенденціи.

„Мы видѣли, что интересы ренты противоположны интересамъ прибыли и рабочей платы вмѣстѣ. Противъ сословія, которому выдѣляется рента, средній классъ и простой народъ всегда были союзниками.

„Мы видѣли, что интересъ прибыли противоположенъ интересу рабочей платы. Какъ только одерживаютъ въ своемъ союзѣ верхъ надъ получающимъ ренту классомъ сословіе капиталистовъ и сословіе работниковъ, исторія страны получаетъ главнымъ своимъ содержаніемъ борьбу среднего сословія съ народомъ“¹⁾.

Итакъ, мы имѣемъ вполне опредѣленное и законченное рѣшеніе вопроса объ основѣ дѣленія общества на классы. Намѣченное еще Адамомъ Смитомъ, оно получило болѣе глубокую постановку нѣ трудахъ социалистовъ — Н. Г. Чернышевскаго, К. Маркса, К. Каутскаго. По этой теоріи, дѣленіе современнаго буржуазнаго общества на социальные классы связано функционально съ дѣленіемъ общаго національнаго дохода на такіе основные виды, которые, при данной величинѣ національнаго дохода, могутъ расширяться только одинъ на счетъ другого. Тѣмъ самымъ дано, какъ мы еще будемъ имѣть случай убѣдиться, строго научное разрѣшеніе вопросовъ: сколько же существуетъ общественныхъ классовъ? Какіе именно? Гдѣ границы между различіями классовыми и различіями социального положенія внутри каждаго даннаго класса? — словомъ, всѣ тѣ вопросы, полный почерпывающій отвѣтъ на которые можетъ дать въ итогѣ цѣлостную и законченную „теорію классовой борьбы“.

Посмотримъ теперь, какую же теорію социальныхъ классовъ можетъ противопоставить выше развитымъ взглядамъ русская социальная демократія. По ея мнѣнію, общественный классъ — это „болѣе или

¹⁾ „Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго“, Женева 1870 г., т. IV, стран. 201, 203, 205.

менѣе обширный разрядъ лицъ, находящихся въ одинаковыхъ отношеніяхъ производства къ другимъ разрядамъ¹⁾. Опредѣленіе это грѣшитъ чѣмъ угодно, только не опредѣленностью. Посмотримъ же, какъ сообразно этому принципу расчленяетъ „Искра“ общество на классы. „Присвоеніе той или другой части общественныхъ средствъ производства и обращеніе ихъ на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта — вотъ основное отличіе одного класса современнаго общества (буржуазіи) отъ пролетаріата, который лишенъ средствъ производства и продаетъ свою рабочую силу“²⁾. Мы не говоримъ уже о томъ, что противоположность класса землевладѣльцевъ и класса капиталистовъ при этомъ подраздѣленіи совершенно теряется. Землевладѣлецъ, какъ таковой, къ тому же не принимаетъ никакого прямого участія въ „производствѣ“. Болѣе того, самый классъ предпринимателей-капиталистовъ при этомъ перестаетъ быть особымъ классомъ и растворяется въ обширномъ словѣ „частныхъ хозяевъ“, продающихъ продукты, вплоть до ремесленника до-капиталистическихъ временъ. Съ другой стороны, многіе разряды современной буржуазіи вовсе не подходятъ подъ опредѣленіе „Искры“. Въ самомъ дѣлѣ, ремесленникъ „добраго стараго времени“ дѣйствительно характеризуется „присвоеніемъ части общественныхъ средствъ производства и обращеніемъ ихъ на частное хозяйство“, тогда какъ современный купецъ или банкиръ вовсе не имѣетъ дѣла со средствами производства, а имѣетъ дѣло лишь съ готовыми продуктами производства да еще со средствами обращенія. По опредѣленію „Искры“ выходитъ, что они — вовсе не „буржуа“; а вотъ трудовой крестьянинъ, владѣлецъ парцеллы, съ „частнымъ хозяйствомъ“ и „продажей продукта“ — буржуа. Псу жели такая „классификація“ имѣетъ что-нибудь общаго съ теоріей Маркса? Да, у Маркса прежде всего черезъ весь „Капиталь“ проведена мысль, что буржуа есть представитель капитала, а „капиталь“ не одно и то же, что „средства производства“: капиталъ есть средства производства, оторванные отъ производителя и враждебно противопоставленные ему, — „самовозрастающая стоимость“, впитывающая неоплаченный трудъ работника. Поэтому „мелкія средства производства, служащія самому производителю средствами производства и не возрастающія въ своей стоимости посредствомъ

1) „Искра“ № 33, стран. 4.

2) „Искра“, № 27, стран. 2.

прибавленія чужого труда, вовсе не составляютъ капитала“¹⁾, и „частная собственность принимаетъ тотъ или иной видъ въ зависимости отъ того, рабочіе ли эти частныя лица, или не рабочіе“²⁾. Но всѣ эти различія для русской социаль-демократіи не существуютъ. Къ разряду „буржуазіи“ она относитъ того, кого Марксъ называетъ „такимъ рабочимъ, который не представляетъ еще изъ себя оципанной курицы, но имѣетъ свои собственныя орудія труда“³⁾. Въ характеристикѣ буржуазіи она поворачиваетъ назадъ, къ Луи-Блану, который также мало принималъ во вниманіе различіе между средствами производства и капиталомъ. Достаточно владѣть тѣмъ или другимъ, чтобы составлять одинъ классъ, враждебно противостоящій пролетаріату. Но смѣшеніе, которое было простительно болѣе полстолѣтія назадъ для Луи-Блана, непростительно теперь, послѣ работъ Маркса.

Характерно еще и слѣдующее: „Искра“ хотѣла построить свою „сверхъ-марксистскую“ теорію социальныхъ классовъ, руководясь признаками, взятыми изъ области производства, а ни въ какомъ случаѣ не изъ области распредѣленія. Послѣдній методъ она считала свойственнымъ вульгарному социализму. И что же? Въ своемъ опредѣленіи отличительнаго признака буржуазіи она начинаетъ съ ... присвоенія и обращенія на частное хозяйство нѣкоторой части предметовъ, служащихъ средствами производства даннаго общества. „Искра“ не замѣчаетъ даже того, что терминъ „присвоеніе“ несомнѣнно взятъ изъ области распредѣленія. Она забыла, что понятіе „условія распредѣленія“ имѣетъ двоякій смыслъ: 1) присвоеніе доли продукта, предназначеннаго для личнаго потребленія, и 2) тоже по отношенію къ предметамъ производительнаго потребленія (а также допускающимъ захватъ силами природы). Если бы она этого не забывала, то она вспомнила бы и слѣдующее мѣсто изъ Маркса: „Во всякомъ случаѣ можно сказать, что капиталъ (и земельная собственность, которая подразумѣвается при этомъ, какъ его противоположность) самъ уже предполагаетъ *распредѣленіе*: экспропріацію условій труда у рабочихъ, сосредоточеніе этихъ условій въ рукахъ меньшинства“ и т. д. Это — условіе во второмъ изъ указанныхъ выше значеній этого слова: они,

1) „Капиталь“, т. I, стр. 616.

2) „Кап., т. I стран. 572.

3) „Кап.“, т. I, стран. 671.

по мнѣнію Маркса, „представляютъ основанія опредѣленныхъ общественныхъ ролей, которыя приходится играть опредѣленнымъ дѣятелямъ *въ предѣлахъ самихъ условий производства*“... „Они придаютъ *самимъ условіямъ производства* и ихъ представителямъ своеобразный общественный характеръ“¹⁾.

Отсюда можно опять-таки видѣть, до какой степени несостоятельна была попытка „Искры“ построить теорію социальныхъ классовъ, игнорируя условія распредѣленія (чтобы не впасть въ „вульгарный социализмъ“) и выдвигая исключительно „условія производства“. „Искра“ просмотрѣла ту тѣсную неразрывную связь между ними, ту взаимность вліянія, при которой ея противопоставленіе теряетъ всякій смыслъ. Какъ ни старалась она игнорировать условія распредѣленія, но они все-таки не въ той, такъ въ другой формѣ вторглись въ ея опредѣленіе и заняли въ немъ нѣкоторое мѣсто; а между тѣмъ, самая попытка ихъ игнорированія не прошла для ея классификаціи безнаказанно, внеся въ нее сумбуръ и путаницу.

Въ прямой зависимости отъ этой путаницы находится и тотъ фактъ, что русскій мужикъ, — этотъ страстотерпецъ труда и голода, этотъ родной братъ по страданіямъ фабричнаго рабочаго — вырванъ „Искрой“ изъ рабочей среды и возведенъ въ рангъ „буржуа“. На этомъ примѣрѣ лучше всего видно, что ложная теорія классовой борьбы не есть только логическая ошибка. Нѣтъ, она неминуемо ведетъ къ практическимъ, политическимъ ошибкамъ, изъ которыхъ каждая можетъ имѣть гибельныя послѣдствія для дѣла революціоннаго социализма.

Братскій союзъ двухъ этихъ элементовъ трудовой Россіи представляетъ необходимое условіе могучаго поступательнаго хода революціи. „Искра“ же самой своей теоріей разъединяетъ эти элементы и тѣмъ самымъ создаетъ искусственныя препятствія дѣлу того активнаго синтеза движенія рабочихъ массъ въ городѣ и деревнѣ, которое является очередной, насущной задачей времени. Между двумя этими элементами рабочаго народа вбивается клинъ, сѣются сѣмена отчужденія. Рабочихъ пріучаютъ глядѣть, какъ на членовъ враждебнаго класса, на тѣхъ самыхъ крестьянъ, которыхъ Марксъ называетъ, „такими рабочими, которые еще не превратились въ ошипанную курицу и сами распоряжаются орудіями

¹⁾ „Кап.“, т. III, стр. 729.

своего производства“. Теорія, которой придерживаются русскіе соціаль-демократы, не только основана на научномъ заблужденіи, но и практически вредна для дѣла революціоннаго социализма.

3. Классовое положеніе современнаго крестьянства.

Рента, прибыль и заработная плата — таковы три основныя, антагонистическія формы или виды дохода въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ. Соотвѣтственно этому послѣднее и дѣлится на три основныя, антагонистическихъ класса: землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ. Разумѣется, явленія хозяйственной жизни не всегда наблюдаются въ чистомъ видѣ; существуютъ и промежуточныя и смѣшанныя формы; существуютъ и такія формы, которыя имѣють ложную видимость, т.-е. съ перваго взгляда кажутся не тѣмъ, что онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Такія ложныя формы могутъ вводить въ заблужденіе неопытнаго и неискупленнаго въ анализѣ идеолога, а тѣмъ болѣе — близорукаго догматика.

Ясно, напримѣръ, что крупный сельскій хозяинъ землевладѣлецъ представляетъ собою смѣшанную форму. Получая и ренту, и капиталистическую прибыль, онъ — вдвойнѣ „имущій“, вдвойнѣ „привилегированный“, вдвойнѣ „буржуа“. Но если такъ, то не приходится ли намъ разсматривать крестьянина, не отлученнаго отъ средствъ производства, какъ тройнѣ имущаго, получающаго и ренту со своей земли, и чистую прибыль своего собственнаго хозяйства, и заработную плату? Вѣдь его доходъ — есть именно единый, нераздробленный между разными лицами доходъ, у него три естества: онъ и землевладѣлецъ, и хозяинъ, и рабочій своего „предпріятія“!

Люди, стоящіе на этой точкѣ зрѣнія не смущаются и тѣмъ, что крестьянинъ часто страдаетъ отъ малоземелья или отъ безденежья. Арендую землю и входя въ долги у заимодавца, — говорятъ они, — крестьянинъ поступаетъ совершенно такъ же, какъ и фабрикантъ, кредитующійся у банкира или арендующій землю для устройства фабрики, для разработки руды, для каменоломень. Отношеніе мужика къ ростовщику или землевладѣльцу аналогично не отношенію рабочаго къ хозяину, а отношенію капиталиста-предпринимателя къ владѣльцу нужныхъ ему для предпріятія денегъ или земли.

Внѣшнее, видимое правдоподобіе этихъ соображеній и побуждаетъ иныхъ людей рѣзко отдѣлить трудовое крестьянство отъ

индустріальнаго пролетаріата и не только не объединять его вмѣстѣ съ послѣднимъ въ общемъ, высшемъ понятіи „рабочаго класса“ — но, напротивъ, зачислить трудовое крестьянство въ рангъ буржуазіи. „Буржуазія бываетъ крупная, средняя, мелкая и мельчайшая“, — говорятъ они; „крестьянство въ своей массѣ относится къ двумъ послѣднимъ разрядамъ. Но и мельчайшая буржуазія есть все-таки буржуазія“.

Другіе дѣлаютъ еще одну, послѣднюю уступку: они соглашаются признать крестьянство въ его значительной части „полу-пролетаріатомъ“, слѣдовательно, съ другой стороны, полу-буржуазіей.

Характерно при этомъ то, что сторонники такого взгляда на крестьянство идутъ всегда подъ флагомъ марксизма. А между тѣмъ, именно глубокой экономической анализъ автора „Капитала“ подкапываетъ основные аргументы этихъ „учениковъ“, клянущихся именемъ учителя.

Въ самомъ дѣлѣ, правда ли, что отношенія крестьянина къ заимодавцу аналогичны отношенію буржуа-капиталиста къ банкиру? Совершенная неправда, и утверждать что-либо подобное могутъ только люди, совершенно не понимающіе одной изъ крупныхъ экономическихъ заслугъ Маркса: выясненія имъ разницы между капиталистическимъ кредитомъ и ростовщичествомъ. Какъ извѣстно, въ III томѣ „Капитала“ Марксъ доказываетъ, что при сходствѣ внѣшнихъ формъ, между кредитомъ и ростовщичествомъ по существу есть важное различіе, и различіе не только количественное, основанное на размѣрѣ взимаемаго процента, а различіе качественное, принципиальное. Современный кредитъ, съ точки зрѣнія Маркса, мы имѣемъ тамъ, гдѣ кредитная сдѣлка совершается между двумя капиталистами; ростовщическій же характеръ она принимаетъ тамъ, гдѣ заемщикъ — некапиталистическій производитель. Отчего же зависить такая разница? Отвѣтъ очень простъ. Когда одинъ капиталистъ занимаетъ у другого для цѣлей капиталистическаго предпріятія, то заемныя деньги приносятъ ему безтрудоу доходъ, и онъ только дѣлится частью этого дохода съ банкиромъ, ссудившимъ ему деньги. Въ итогѣ сдѣлки у заемщика-капиталиста чистый плюсъ, приращеніе находящейся въ его распоряженіи суммы; благодаря кредиту, онъ въ послѣднемъ счетѣ получилъ извѣстную сумму богатствъ, представляющую извѣстную стоимость, не отдавши за нее эквивалента. Когда же у заимодавца беретъ деньги некапиталистическій производитель, то на заемный капиталъ онъ никакой

капиталистической прибыли не получаетъ, и „дѣлиться“ съ заимодавцемъ ему нечѣмъ; проценты по займу представляютъ собою прямой *вычетъ*, *минусъ* въ его хозяйствѣ; благодаря кредиту онъ въ послѣднемъ счетѣ *отдаетъ* извѣстную сумму стоимости, *не взявши* ни съ кого соотвѣтственнаго эквивалента. Итакъ, заемщикъ-капиталистъ въ итогѣ нѣчто получаетъ, не отдавши, заемщикъ же некапиталистическій нѣчто отдаетъ, не взявши¹⁾. Отсюда, съ одной стороны, буржуазные гимны капиталистическому кредиту, а съ другой — народныя проклятія по адресу ростовщичества. „Между тѣмъ и другимъ лежитъ различіе двухъ общественныхъ способовъ производства и соотвѣтствующихъ имъ общественныхъ укладовъ“²⁾.

Такимъ образомъ, подъ внѣшнимъ сходствомъ *формы* кроется не только различіе, но и противоположность самаго *существа* социального соотношенія.

Совершенно то же мы видимъ и въ случаѣ земельной аренды. Когда мы имѣемъ отношеніе существенно-капиталистическое, отношеніе между землевладѣльцемъ и капиталистомъ-фермеромъ, то величина арендной платы измѣряется, приблизительно, рентой. Если же арендаторомъ является некапиталистическій производитель, то въ составъ арендной платы входятъ новыя важныя элементы. „Рента, — говоритъ Марксъ въ „*Misère de la Philosophie*“, — ставитъ передъ землевладѣльцемъ... промышленнаго капиталиста, извлекающаго изъ земли доходъ посредствомъ труда наемныхъ рабочихъ и отдающаго землевладѣльцу, въ видѣ арендной платы, *лишь излишекъ* надъ издержками производства, включая въ нихъ и *прибыль на капиталъ*“. Опять, таки, операція эта кончается для арендатора *приращеніемъ* его имущества безъ соотвѣтствующей затраты съ его стороны труда, и онъ только *дѣлится* съ землевладѣльцемъ опредѣленною частью полученной прибавочной стоимости, неоплаченнаго труда другихъ людей. Иное дѣло при некапиталистической арендѣ мелкаго трудового крестьянина. Мало того, что платежи за землю — вычеты изъ собственнаго, хребтомъ добытаго мужицкаго добра, вычеты, ниоткуда не пополняемые; самая величина платежа возрастаетъ далеко за предѣлы чистой ренты. „То, что платитъ онъ въ видѣ аренды, не только зачастую поглощаетъ

¹⁾ Некапиталистическаго заемщика мы имѣемъ и тамъ, гдѣ заемъ совершается не для цѣлей производства, а для цѣлей личнаго потребленія.

²⁾ „Капиталъ“, т. III, стран. 490—494.

часть его прибыли, т.-е. часть его собственного прибавочного труда, на которую онъ имѣетъ право, какъ владѣлецъ собственныхъ орудій труда, но также часть нормальной заработной платы, которую бы онъ получилъ при другихъ условіяхъ за такое же количество труда¹⁾).

Таково превращеніе нашего „трижды имущаго“, хотя и мелкаго буржуа. До сколько-нибудь внимательнаго анализа онъ стоялъ передъ нами, какъ тріединое существо: собственникъ ренты, капиталистической прибыли и заработной платы. Но стоило взяться за научный анализъ — и въ концѣ его нашъ „буржуа“ оказывается въ видѣ человѣка, лишеннаго даже нормальной заработной платы...

А между тѣмъ, нашъ анализъ еще не конченъ. Мы рассмотрѣли двѣ типическія хозяйственныя операціи, особенно близко затрогивающія крестьянина, и нашли, что при его участіи операціи эти совершенно измѣняютъ свое социальное значеніе сравнительно съ тѣмъ, что онѣ представляютъ собою, когда всѣ дѣйствующія въ нихъ лица суть капиталисты. Сходна лишь внѣшность, и разницы могутъ не замѣчать только люди, не идущіе дальше вулгарнаго верхоглядства.

Но то же самое оказывается вѣрно и для многихъ другихъ хозяйственныхъ отношеній крестьянина, — въ особенности же русскаго крестьянина.

Возьмемъ хотя бы куплю-продажу. Обмѣнъ товаровъ — гласитъ политическая экономія — есть обмѣнъ эквивалентовъ. Равная стоимость — за равную стоимость.

И это положеніе вѣрно, когда участники обмѣна равносильны. Отдѣльные самостоятельные производители, раздѣливъ между собою трудъ, подъ формою обмѣна товаровъ мѣнялись бы равными услугами, въ смыслѣ одинаковаго въ среднемъ труда другъ на друга. Отдѣльные капиталисты двухъ разныхъ отраслей промышленности при обмѣнѣ товарами также реализуютъ свои издержки плюсъ *равную* среднюю прибыль на затраченный капиталъ. А что происходитъ, когда обмѣниваются хлѣбный торговецъ и рядовой крестьянинъ-земледѣлецъ? На этотъ вопросъ достаточно выразительный отвѣтъ даютъ: во-первыхъ, разница между осенними и весенними цѣнами на хлѣбъ, а, во-вторыхъ, рядъ характерныхъ бытовыхъ поговорокъ русскаго мужика, въ родѣ слѣдующихъ: „не

¹⁾ „Капиталъ“, т. III, стран. 516.

тужи, матушка-рожка, что выпала въ городъ дорожка; весной пере-
плачу, да назадъ ворочу“, „не горюй овесь, что въ Москву по-
везъ; потомъ втридорога заплачу, а домой ворочу“... Какъ видите,
мужикъ продаетъ хлѣбъ, хотя не можетъ безъ него обойтись и
долженъ будетъ вновь его купить. Продажа здѣсь носить времен-
ный характеръ; цѣль ея — раздобыться деньгами; средство — по-
томъ „переплатить“... Это, въ сущности, не обмѣнъ, вызываемый
раздѣленіемъ труда, а особый видъ займа денегъ, за большіе—не-
опредѣленно большіе—проценты; хлѣбъ, возвращающійся назадъ
къ мужику, играетъ какъ бы роль заложенной вещи при чемъ,
въ отличіе отъ обычныхъ залоговыхъ операцій, сохранность залога
для заемщика не обезпечена.

Итакъ, и здѣсь обычное буржуазное отношеніе обмѣна экви-
валентовъ въ примѣненіи къ мужику измѣняетъ свой хозяйствен-
ный смыслъ и „превращается въ свою противоположность“: поль-
зованіе со стороны одного изъ контрагентовъ неоплаченнымъ трудомъ
другого.

Возьмемъ еще одно типичное для русской экономической дѣй-
ствительности отношеніе: договоръ найма. У насъ пользуется огром-
ной распространенностью наемка на конныя работы. Въ большин-
ствѣ черноземныхъ губерній мы имѣемъ цѣлый рядъ помѣщичьихъ
экономій, не обезпеченныхъ собственнымъ скотомъ и инвентаремъ.
Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ отъ 50 до 75% всѣхъ работъ въ по-
мѣщичьихъ экономіяхъ производится крестьянскимъ инвентаремъ.
Такимъ образомъ, на работу здѣсь нанимается не лишенный средствъ
производства пролетарій, а наоборотъ — къ помѣщику, лишенному
доброй половины необходимыхъ средствъ производства, нанимается
имѣющій ихъ земледѣлецъ. Казалось бы, эта сдѣлка по всѣмъ
правиламъ буржуазной политической экономіи должна была сво-
диться къ обмѣну эквивалентовъ. И, однако, общее положеніе
крестьянина - земледѣльца, некапиталистическаго производителя,
въ томъ капиталистическомъ обществѣ, гдѣ возможны лишь два
положенія — молота или наковальни — приводитъ къ совершенно
иному результату. Всякій, знакомый съ изслѣдованіями экономики
русской деревни, хорошо, на примѣръ, знаетъ, что такое „зимняя
наемка“ и какъ она отражается на оплатѣ крестьянскаго труда;
знаетъ и тѣ вообще своеобразные законы, которыми регулируется
эта оплата. Для крестьянской семьи наемный трудъ на сторонѣ
имѣетъ значеніе труда *подсобнаго*, и оплата его опредѣляется не

„стоимостью воспроизведенія рабочей силы организма“, т.-е. *минимумом* средствъ существованія, а той *недостачей до этого минимума*, которую создаетъ скудость земледѣльческаго заработка крестьянина, или, иными словами, разницей между минимумомъ существованія и недостающимъ этого минимума общимъ доходомъ крестьянскаго хозяйства.

Словомъ, нѣтъ въ современномъ обществѣ такого вида капитала, отъ эксплуатаціи котораго не страдало бы трудовое крестьянство. И капиталъ, заключенный въ поземельной собственности, и ссудный капиталъ, и торговый, купеческій капиталъ, и производительный капиталъ — создаютъ цѣлый рядъ сложныхъ хозяйственныхъ отношеній, въ результатъ которыхъ неоплаченный трудъ крестьянина разными путями и безчисленными ручейками сливается въ одинъ золотой потокъ, — сливается, вмѣстѣ съ неоплаченнымъ трудомъ пролетаріата, въ одинъ общій національный фондъ прибавочной стоимости, который потомъ растекается по карманамъ буржуа, капиталистовъ и хозяевъ всѣхъ видовъ и ранговъ. Но всѣ эти отдѣльные виды капиталистовъ эксплуатируютъ мужика не только каждый въ отдѣльности, не только врозницу — нѣтъ, они находятъ еще средство эксплуатировать его и оптомъ. И это средство есть механизмъ современнаго государства.

Современный государственный механизмъ самъ представляетъ собою колоссальное хозяйственное предпріятіе. И само собою разумѣется, что государственное хозяйство, называющееся нерѣдко также „общественнымъ“ и даже „народнымъ“, на самомъ дѣлѣ есть хозяйство, экономическое ¹⁾ предпріятіе — и очень выгодное предпріятіе — правящихъ классовъ. „Государство всегда является представителемъ извѣстной формы собственности или же соединенія, согласованія между нѣсколькими формами собственности. Въ этомъ тайна всей дѣятельности, которая требуетъ, чтобы оно само стало экономической силой и чтобы оно располагало средствами и органами для облегченія перехода собственности изъ однихъ рукъ въ другія“ ²⁾. И русское самодержавіе, напр., само представляетъ собою обширную компанію на паяхъ, завѣдующую обширными государственными имуществами и предпріятіями, непо-

1) Мы, конечно, не говоримъ — *только* экономическое.

2) Antonio Labriola, „Essais sur la conception matérialiste de l'histoire“, p. 233.

средственно представляющими капиталистическія хозяйства съ прямыми или косвенными формами эксплуатаціи наемныхъ рабочихъ, арендаторовъ-крестьянъ и т. п. Къ этому присоединяется новый колоссальный насосъ для выкачиванія неоплаченного труда, т.-е. прибавочной стоимости, въ видѣ системы налоговъ, пошлинъ, акциза и т. п., падающихъ своею тяжестью, главнымъ образомъ, на плечи непосредственныхъ некапиталистическихъ производителей. „Единичные капиталисты, — говоритъ Марксъ, — эксплуатируютъ крестьянство посредствомъ ипотеки и растовщичества, а весь классъ капиталистовъ въ цѣломъ эксплуатируетъ крестьянство въ формѣ государственныхъ налоговъ“. Мы знаемъ, какъ совокупность всякаго рода налоговъ и платежей мѣстами превышаетъ чистый доходъ земледѣльческаго хозяйства, и, слѣдовательно, фактически превращаетъ крестьянина въ полу-батрака, полу-крѣпостного слуги современнаго государства, оставляющаго ему клочокъ земли, чтобы онъ самъ изыскивалъ себѣ средства къ существованію и чтобы за его каторжный трудъ для содержанія государственнаго механизма не нужно было его кормить или выдавать ему плату.

Итакъ, если раздѣленіе общества на классы опредѣляется прежде всего и ближе всего условіями распредѣленія; если антагонизмъ классовъ непосредственно опредѣляется естественнымъ антагонизмомъ, обратной пропорціональностью тѣхъ видовъ дохода, на которые живутъ данные слои населенія, то, спрашивается къ какому же классу должны мы отнести трудовое крестьянство? Должны ли мы объединить его вмѣстѣ съ банкирами, капиталистами-предпринимателями и т. п. въ высшемъ понятіи „буржуазіи“, или же, наоборотъ, вмѣстѣ съ пролетаріатомъ, созданнымъ капиталистической промышленностью, въ высшемъ понятіи „рабочаго класса“? Намъ думается, что послѣ всего, сказаннаго выше, достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы отвѣтъ получился само собою.

Попытка г. Ленина и другихъ выдать крестьянство за буржуазію, хотя бы „мелкую и мельчайшую“, основана исключительно на забвеніи существенныхъ признаковъ класса и сосредоточеніи вниманія на признакахъ чисто внѣшнихъ и формальныхъ. „Какъ видите, эксплуатація крестьянъ *только по своей формѣ* отличается отъ эксплуатаціи рабочихъ. Эксплуататоръ у тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же — капиталъ“. Кому принадлежать эти слова?

Это слова человека, которого марксисты считают своимъ учителемъ, слова „не-марксиста“ Карла Маркса.

Но, быть можетъ, въ противоположность эксплуатаціи пролетаріата, эксплуатація трудового крестьянства можетъ быть устранена кое-какими незначительными починками и заплатами въ предѣлахъ самого буржуазнаго общества? Быть можетъ, поэтому именно „классовой интересъ“ трудового крестьянства не совпадаетъ съ классовымъ интересомъ пролетаріата? Быть можетъ, именно поэтому наша ссылка на Маркса не полна? Нѣтъ, „только паденіе капитала можетъ повести къ подъему крестьянства; только антикапиталистическое пролетарское правительство можетъ сломить гнетъ его экономической нужды и общественной деградации“. И эти слова также принадлежать не-марксисту Карлу Марксу.

Конечно, единичный крестьянинъ при исключительно счастливыхъ условіяхъ можетъ разбогатѣть и превратиться въ „буржуа“—капиталиста даже и въ предѣлахъ современнаго строя. Но въ общей массѣ трудового крестьянства это будетъ приблизительно такое же рѣдкое исключеніе, какъ и рабочій, поднявшійся по ступенямъ фабричной іерархіи до управляющаго фабрикой, а зачѣмъ открывшій свое маленькое заведеніе и ставшій въ ряды капиталистовъ. Буржуазные моралисты, конечно, всегда будутъ указывать на эти примѣры, какъ на доказательство возможности *всему* пролетаріату и *всему* трудовому крестьянству трудолюбіемъ, бережливостью и умомъ достигнуть въ современномъ обществѣ завиднаго благосостоянія. Но социалисту ясно, что самая возможность единичнымъ лицамъ такъ богатѣть предполагаетъ ихъ возвышеніе *на счетъ* оставшейся въ прежнемъ положеніи массы.

Интересы трудового крестьянства несогласимы съ основами буржуазнаго порядка. Врагъ трудового крестьянства — капиталъ во всѣхъ его формахъ и видахъ. Крестьянинъ, употребляя выраженія К. Маркса, есть просто „такой рабочій, который не представляетъ еще изъ себя ощипанной курицы, но имѣетъ свои собственныя орудія труда“. Къ этому нужно еще прибавить, что онъ не представляетъ собою „ощипанной курицы“ только въ смыслѣ самостоятельнаго пользованія орудіями производства; во всѣхъ же прочихъ отношеніяхъ онъ напоминаетъ не только „ощипанную курицу,“ но даже вола, съ котораго ухитряются сдирать нѣсколько шкуръ. И потому въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ между крестьянствомъ и пролетаріатомъ мы считаемъ правымъ не

Каутскаго, по мнѣнію котораго въ классовомъ отношеніи крестьянинъ, какъ таковой, „враждебно противостоить“ пролетаріату, — а Вандервельда и Либкнехта, по мнѣнію которыхъ трудовое крестьянство не количественно, а качественно, принципиально отличается отъ буржуазіи, и, хотя и не составляетъ формально пролетаріата, но можетъ быть объединено съ этимъ послѣднимъ въ высшихъ понятіяхъ „рабочаго класса“, „трудящагося и эксплуатируемаго народа“.

В. Черновъ.

РА 1434

~~10.336.~~

Книгоиздательство „Молодая Россія“.

РЕДАКЦІЯ Ф. ДЪДОВА, А. РУДИНА, С. НЕЧЕТНАГО И Н. МАКСИМОВА.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

В. Черновъ.

Къ теоріи классовой борьбы.

Цѣна 10 коп

МОСКВА.

—
1906